

НЕ ОТ МИРА СЕГО

Рассказы из цикла
«Моя малая родина — Горный Алтай»

СТОЛКНОВЕНИЕ

Тридцатилетний здоровяк Сашка Леонтьев пришел домой навеселе. Он шоферил на Чуйском тракте, с утра до ночи крутил баранку здорового «ЗИЛа» с прицепом. Последнее время возил строевой лес с Горного Алтая в Бийск. Ну и, само собой, если случался редкий выходной, святое дело — тяпнуть грамм сто. Но ста граммами ни он, ни кто-то другой из его деревенских приятелей не ограничивались. Да все и знали, что белобрысому Сашке бутылку белой выпить — что стакан воды — ни в одном глазу. «Белобросым» это его так, по-свойски, за глаза называли, потому что волосы у него были белые, как лен, и глаза ярко-голубые. Блондин, одним словом. А прибавьте к этому его рослость, мускулистость да косую сажень в плечах — красавец-богатырь! Но в сибирской деревне мужскую красоту замечают разве что девчата да бабы, а свой брат — мужики совсем по другим качествам друг друга оценивают: чтоб надежный был, подсобил в трудный момент, да чтоб руки росли откуда надо, а не из одного места, да чтоб смекалка была, голова кумекала, что к чему. Сашка такой и был, потому его уважали односельчане и дружбой с ним гордились.

Да и сам Сашка не задумывался о своей внешности, вертел баранку, вертелся дома по хозяйству, как и все мужики. Женился рано, уже двое белокурых, в отца, пацанов-помощников подрастали. Дом крестовый построил, большой, деревянный, лес на дом сам в тайге на белках готовил — кедрач, бревнышко к бревнышку. От солнца бревна забронзовели, так и кажется, тронь — зазвенят. Наличники резные, в белую с голубым краску, веранда огромная, кругом застекленная. Дом-игрушечка весело стоит на горочке, на самом берегу Катуня, обзор из его окон и с веранды — на все четыре стороны, как на корабле, плывущем в жизненном океане под парусами — белыми шторами, что пузырятся в окнах, по-летнему широко распахнутых. И хозяйство справное — полный набор: корова, теленок, свиньи, утки, куры, кролики. Сад-огород в реку упирается. Уработаешься и тут же — ныр в ледяную Катунь — и как заново родился: свеженький, бодренький, сильный, готовый хоть быка завалить.

Так оно в тот день и вышло. Придя домой под сильным хмельком, Сашка плюхнулся на старенький диван-кровать в летнем домике-временке и крепко заснул. Разбудил его истошный крик жены:

— Тошнешеньки! Саша, Саша! Помоги-и-и! Вот пристал-то, не отобьюсь, — испуганно вопила она пронзительным своим высоким голосом.

Сашка, как был в одних семейных трусах до колен, пулей, будто и не пил, кинулся к воротам, с той стороны которых кричала Татьяна, пытаясь отбиться от кого-то ведром.

— Ах ты, падла! Я те, сволочь, покажу, как к моей бабе приставать! — и вмазал с размаху и с бегу в чей-то широкий лоб. Так что пальцы, яростно сжатые в кулак, хрустнули.

Тот, кому Сашка так круто влепил, помотал головой и слегка попятился, но крепко стоял на ногах. Сашку это удивило и еще больше разозлило. Обычно валились с ног от одного его удара. Не было еще такого, кто бы устоял против его кулака.

— Ты кто такой? Откуда взялся тут? Сильней меня, что ли? А! Поглядим! Получи! — и с этими словами он шарахнул этому кому-то в лоб еще раз и с еще большей силой.

Незванный гость, получив второй удар в лоб, издал какой-то нечеловеческий, глухой, мычащий звук и пал на колени.

— Хо! — удовлетворенно выдохнул хозяин, согнутым указательным пальцем отер пот со лба, от души сплюнул и, погрозив кулаком обидчику своей жены, добавил: — Появись тут еще раз — замертво уложу! — и быстро пробежал назад мимо жены, стоявшей в ограде, бросив на ходу: — Кто такой-то? Пошто приставал? Говорю: не крути хвостом — и кобелей не будет!

— Да какой кобель-то? — растерянно разведя руки, прокричала Татьяна, еще не успокоившая дрожь после случившегося. — Бык это Колькин, а не мужик никакой!

Но Сашка уже не слышал жениных слов. Он опять упал с размаху на диван и тут же крепко и сладко провалился в сон...

У ворот стоял здоровенный красно-белый бык, тупо уставившись перед собой и широко расставив передние ноги. Его, посмеиваясь, охая и ахая, обступали трое стариков-соседей, что сидели на лавочке у дома напротив. Побаиваясь подойти поближе к быку, они подшучивали:

— Ну чо, досталось тебе, сердешный? А так-то — не кидайся на людей, дело-то соседское...

— Вишь, как Сашка-то быстро твой норов остудил. То-то!

— Чо он бодаться-то надумал? Не пойму. Сроду такого не было. Подойдет, как с ведром выйду, пугну, он себе и отойдет, а тут — кинулся! Поди с жары одурел. Жарища-то! Печет несусветно... — жаловалась соседям Татьяна, уже пришедшая в себя и деловито через забор, не выходя за калитку, пытавшаяся хворостиной стегануть обидчика. — Пошел! Пошел отсюда, Мальчик! Иди себе, пасись, а то зададим тебе...

Проспавшись, Сашка встал поздним вечером. Сполоснулся ледяной водой у колонки и сел ужинать в той же времянке. Ожидая, пока жена наливала горячие щи, миролюбиво спросил:

— Чо за мужик-то давеча был? — потряс головой, стряхивая капельки воды с волос и растирая сбитые казанки пальцев правой руки, с каким-то даже уважением в голосе добавил: — Крепкий оказался, однако.

— Да те заблазнило, што ли? Мужик, мужик... Да не мужик, а бык это был, Мальчик! — хохотнула Татьяна.

— Бы-ы-к? — ошарашено протянул Сашка. — Ничё себе!

ФЕНЯ-ПОДЕНЩИЦА

Сентябрь выдался по-летнему солнечным и теплым. Утреннее солнышко, весело выпрыгнув из-за розоватых вершин гор, ласково пригревало деревья, сменившие ярко-зеленый наряд на бронзово-желтый, золотистый и багряный.

Феня Ардышева, маленькая сухонькая женщина, быстро шла вдоль пыльной улицы своей шаркающей, какой-то падающей походкой, волоча за ручонку худенького, бледненького своего сынишку. Она вся подавалась вперед, вытянув шею и опустив голову, сильно ссутулившись. Казалось, она едва успевает переставлять ноги, чтобы поддержать себя и не ткнуться носом в землю. От туго завязанного вокруг шеи платка щеки, порозовевшие от утренней бодрящей свежести, выпирали, делая ее похожей на тряпичную куклу. Это сходство усиливало добродушное, как бы всем согласное услужить выражение лица с очень курносом носом и глубоко посаженными глазами без ресниц. Она по-детски шмыгала и в разговоре постоянно кивала головой, как бы загода беспрекословно соглашаясь со всем, что услышит от собеседника. Сама говорила мало, тихо и скороговоркой.

Она была поденщица: помогала односельчанам сажать-копать картошку, полоть грядки, мыть полы и окна, рубить капусту, которую люди солили огромными кадками. Иногда ее приглашали на покос грести или копнуть сено. Ни от какой работы не отказывалась трудолюбивая Феня. За работу с ней чаще всего расплачивались продуктами — той же картошкой, морковкой, свеклой. Давали и деньги, одежду, обувь. От тех, у кого было хорошее, справное хозяйство со скотиной, перепали ей и небольшие куски мяса, молоко и даже сметана и домашнее масло. Тем и жила. Нередко, когда Феня проходила мимо, ее зазывали в тот или иной дом и из милосердия кормили и давали с собой продукты. Она их складывала в фартук, подтыкала его концы у пояса и с благодарностью уходила, приговаривая, мол, ежели помощь какая понадобится по хозяйству, дайте знать — приду. Несколько зажиточных домов, в которых Феня прибывала в сезонных работниках, охотно ее приглашали. Ей доверяли, могли одну без присмотра при хозяйстве оставить, потому что была она не только трудолюбива, но и очень старательна, аккуратна, добросовестна и совестлива. Ломаной копейки ни у кого без спроса не взяла. О добропорядочности Фениной все село было наслышано. На деревне, даже такой большой, как Майма — есть такой райцентр в Горном Алтае — о людях, приходящих в дома во временные работники, все было известно. Если уж копала картошку, то всегда чисто, до последней маленькой картофелины все выберет. И сорняки повыдергает, особенно донимавшие всех пырей, осот и вьюнок с длиннющими белыми корнями-веревками. Все сложит в кучки, а потом вынесет за ворота, на помойку. Работала споро и почти без отдыха, мурлыча тихонечко песни.

Феня и сейчас торопилась на поденку, копать картошку к Леонтьевым. Хозяйка, Елизавета Григорьевна, пригласила Феню на осень еще с весны, когда та помогала эту самую картошку сажать. Хозяин-геолог весной и летом домой только изредка навещался, бывая в экспедициях. Жена его, миловидная, добрая и ласковая женщина с двумя детьми-школьниками, сыном и дочкой, сама управлялась с большим хозяйством. Огород в двадцать пять соток, с картошкой, капустой, подсолнухами, кукурузой и другой огородной мелочью, две коровы, два теленка, два поросенка, куры, утки — все это в одни, Елизаветы Григорьевны, руки. Дети помогали, но они учились в школе, дома добросовестно сидели за уроками. Учились хорошо, потому что родителями нацелены были на непременно высшее образование, на учебу в столичных городах. Сама хозяйка, не отличавшаяся крепким здоровьем, еще и работала контролером и техничкой в клубе, крутилась, как белка в колесе, поест некогда, все на ходу. Да еще большой новый дом, недостроенный. Феня уважала и любила эту хозяйку за ее простоту, за порядок в доме, за сердечность и радушие, с которыми принимала та людей. За то, что не скупилась

она в расчете с поденщицей: и деньгами даст, и продуктами. Не одной картошки даст, но и всякой огородной мелочи, еще и молочка, маслица, яиц, постряпушек разных с клубникой, ревенем, рыбой. И кормились все дни работы у нее хорошо; сыночку Фениному, Сереже, хозяйка ставила бидончик с молоком, чтобы, как захочет, сам попил. И всякий раз, как где на улице увидит Феню, позовет, заходи, мол, в гости, и от души накормит, и гостинцев с собой щедро положит. Феня с большой охотой работала у Леонтьевых, всю душу выкладывала в нехитром своем труде ради такой-то хозяйки.

— Давай, давай, не плетись, пошевеливай ножонками-то, — поворачиваясь к шестилетнему сынишке, которого она тянула за руку, ворчливо повторяла Феня. — А то тетя уйдет на работу и останемся без дела и еды.

Мальчик трусцой прибавлял шаг, выравниваясь с матерью, шаркал и загребал дорожную пыль кирзовыми детскими сапожками, которые отдала ему по весне Елизавета Григорьевна, и канючил:

— Хочу-у пи-и-ить, пи-ить хочу...

— Счас у тети Лизы напьешься. Она тебе молочка даст с пирожком. Иди, Христа ради, шибче, перебирай ножонками-то, вона уж дом ихний показался, вишь, где сруб-то новый, уж совсем дошли, чуть осталось...

Феня перебросила с одного на другое плечо небольшой узелок, сменила руку и повела мальчонку справа от себя, повернувшись к нему, наказывала:

— Ты, Серенька, веди себя хорошо, не капризничай, меня от делов не отрывай, сядь себе рядышком да поигрывай. Счас тебя добрая тетя и напоит, и накормит. Ты, смотри мне, никуда не лезь, не озорничай. Понял?

— По-нял, — нехотя протянул мальчик, не поднимая понуро опущенной головы, как будто что-то с безразличием разглядывал на земле у своих ног.

Феня со дня рождения мальчонки была с ним неразлучна, везде таскала за собой. И все эти годы она квартировала у многодетных, едва сводивших концы с концами Чечулиных. Поговаривали, что она им даже дальней родней приходится. Так ли это — точно не знал никто. Феня появилась у них уже будучи беременной. Стала вроде как кухаркой. На кухне, у растопленной ею печки, рано по утрам она месила тесто и острый, круглый ее живот, туго обтянутый фартуком, ложился на край столешницы. Иногда она присаживалась тут же на лавку и, обхватив живот руками, спрашивала у старухи, хозяйкиной матери:

«Баба Катя, чево это он так толкается? Когда шибко шебуршится — парень или девка будет?»

«У тебя пузо востренькое, аккуратное к пупку — мальчонка будет. Девочки — они больше в бока идут», — пророчествовала старушка.

Так и вышло: родился мальчик, хотя Фене больше хотелось девочку — будет на кого в старости опереться. Дочка-то, она всегда ближе к матери, а сын женился — оценился, говорят в народе, под женину дудку плясать станет и мать забудет. Придется на старости лет одной век коротать.

Из больницы Феня принесла новорожденного в большом клетчатом полушалке, перекинутом через плечо. Быстро перебирая спицами — зимами она больше вязала — качала его, зацепив ногой веревку, привязанную к подвешенной к потолку на огромном крюке зыбке, сплетенной из ивовых прутьев хозяином. Когда младенцу не стало хватать грудного молока, делала ему жамки из черного хлеба, завернутого в марлечку, или пережеванного с хлебом соленого свиного сала. А по весне опять пошла на поденку, на огороды, вместе с сыном, уютно спавшим все в том же платке-колыбельке перед материнской грудью. Так и рос малец.

Замуж Феня не выходила. Мальчонку прижила она, как говорили всеведущие люди, от Вани-Свища. Был такой в Майме — Ваня-Свищ. Смирный и работающий. Вроде не дурак, и умным не назовешь. Подрабатывал в конюшне, в летнюю пору на покосы к людям нанимался: копны на лошадях возил. По деревне любил гарцевать галопом на коне без седла. Мальчишки свистели ему вслед и кидались камнями. У него, видно, нервное какое заболевание было — не выносил он свиста, потому его и прозвали Ваня-Свищ. Зная это, озорные пацаны, наоборот, старались подбежать к нему поближе да погромче свистнуть. И Ваня взмывался. Он подстегивал лошадь и с матерками гнался за мальчишками, норовя стегануть их длинным бичом, сплетенным из крепких сыромятных ремней, но те шустро разбегались и прятались, кто куда, чтобы затем снова мчаться вслед за Иваном и громко свистеть. Иногда они изматывали бедного Ваню до того, что он падал с лошади и бился в судорогах с пеной у рта, корчась в пыли и вгрызаясь в землю. Взрослые очевидцы стыдили пацанов, грозили, что пожалуются за такое издевательство над человеком родителям и школьным учителям. Разжимали Ване намертво сцепленные челюсти ножом с крепким лезвием, вытягивали язык, чтобы тот не запал и не задушил беднягу. Поднимали Ваню, обливали холодной водой из колонки, отпаивали молоком, укладывали у себя во времянке отдохнуть, прийти в себя, а то и баню для него топили, кормили-поили...

Пришли. Феня постучала в калитку, негромко крикнула:

— Здрасьте, Лизавета Григорьевна, не припозднились мы?

На стук и звук чужого голоса глухо заворчала и залаяла собака.

— Собака-то далеко? Не тяпнет?

— На цепи он привязан. Не достанет. Пошел, Дозор, пошел, видишь, ребенок с мамой пришел, хватит уж ворчать-то, — загоняя в будку черного большого пса с белой мордой, приговаривала хозяйка. — Здравствуй, Феня, проходите, как раз вовремя, я вам ишницу пожарила, завтракайте, а я быстренько коров провожу. Сами тут